

УТЦ РИЧАРД

PhD, профессор Школы литературы, медиа и коммуникаций, Технологический институт Джорджии (США)

richard.utz@lmc.gatech.edu

<https://www.medievalitas.com>

При чем здесь любовь? Наши Средние века — это мы сами

Этот очерк, своеобразный автопортрет Ричарда Утца на историографическом фоне, открывает сборник «Манифест медиевализма». В нем Утц демонстрирует, как личная судьба исследователя отражается на той теме, которую он выбирает для изучения, и доказывает, что каждый медиевист является культурным продуктом своей эпохи, и потому не способен полностью избавиться от образов Средних веков, присущих его культуре.

Ключевые слова: К. Диншоу; средневековая культура; средневековое прошлое; медиевализм.

RICHARD UTZ

PhD, Professor in the School of Literature, Media, and Communication, Georgia Institute of Technology (USA)

richard.utz@lmc.gatech.edu

<https://www.medievalitas.com>

What's Love Got to Do with It? Our Middle Ages, Ourselves

This essay, a peculiar self-portrait of Richard Utz on historiographical background, opens his collection of essays "Medievalism: a Manifesto". That volume, this chapter included, is dedicated to the demonstration of the influence that historian's fate has on his research topic. Utz proves that every medievalist is a cultural product of his or her era and therefore is unable to get rid of the images of the Middle Ages inherent in his or her culture.

Key words: C. Dinsaw; medieval culture; medieval past; medievalism; postmedieval.

ПЕРЕВОДЧИЦА

Ермолаева Анастасия Вячеславовна, стажер-исследователь Лаборатории медиевистических исследований, НИУ «Высшая школа экономики»
avermolaeva_1@edu.hse.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Утц Р. При чем здесь любовь? Наши Средние века — это мы сами [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2(5). С. 56–72. URL: <http://voxmediiavei.com/2019-2-utz-3>

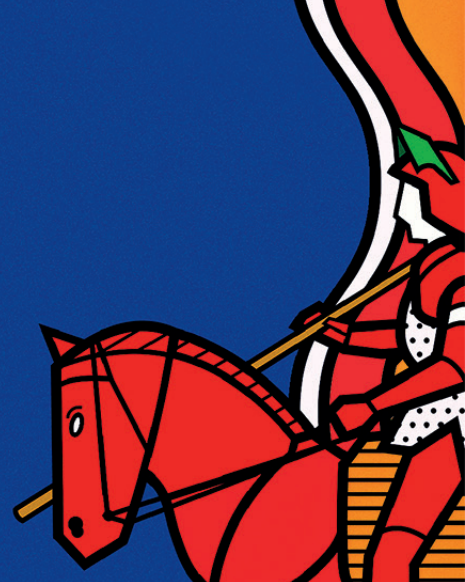
TRANSLATOR

Ermolaeva Anastasiia, Graduate Research Trainee, Centre for Medieval Studies, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow)
avermolaeva_1@edu.hse.ru

FOR CITATION

Utz R. При чем здесь любовь? Наши Средние века — это мы сами [Digital Resource] [Utz R. What's Love Got to Do with It? Our Middle Ages, Ourselves] // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2(5). С. 56–72. URL: <http://voxmediiavei.com/2019-2-utz-3>

При чем здесь любовь? Наши Средние века — это мы сами*

*I've been taking on a new direction
But I have to say
I've been thinking about my own protection
It scares me to feel this way.*

Тина Тернер (1984)

Фотография, вынесенная на обложку этого очерка (рис. 1), была сделана в 1954 г. Как вы видите, пара людей одета в сделанные вручную старомодные наряды, призванные походить на одежды, в какие нарядилась бы знать и зажиточные горожане из баварского города Амберга в 1474 г., во время грандиозного торжества по случаю свадьбы Маргариты, дочери герцога Людовика IX Баварского, и Филиппа Пфальцского, правителя пфальцграфства Рейнского. В 1934 г. историческая инсценировка этой свадьбы стала частью празднований, организованных Йозефом Филбигом, нацистом и мэром Амберга, на девятисотую годовщину первого упоминания о городе. Инсценировка 1954 г. представляла собой явно исправленную версию оригинального представления 1934 г. Тогда мэром Амберга также был Йозеф Филбиг, но на этот раз он был избран демократическим путем шестьюдесятью четырьмя процентами голосов как кандидат от правой партии «Немецкое сообщество» (Deutsche Gemeinschaft). Мужчина на фотографии, учитель музыки, дирижировал хором во время этого представления [...]¹.

За год до того, как была сделана фотография, эта пара сочтлась браком в барочной паломнической церкви Мариахильф (Mariahilfer Kirche); ее построили во время Тридцатилетней

* Публикуется с любезного разрешения автора. Оригинал статьи см.: *Utz R. What's Love Got to Do with It? Our Middle Ages, Ourselves // Ibid. Medievalism: A Manifesto. Kalamazoo, Bradford, 2017. P. 1–15.*

1. Подробнее об этом см.: *Utz R. Medievalism: A Manifesto. Kalamazoo, Bradford, 2017. P. 39–52. (Прим. пер.).*

Рис. 1. Обложка книги Utz R. «Medievalism: A Manifesto».

Источник: <https://arc-humanities.org/products/m-77101-116111-24-8211>

войны, поскольку жившие в городе христиане верили, что Дева Мария спасла их во время одной из многочисленных эпидемий чумы. Эта пара, как и большинство католиков Амберга, участвовала в ежегодном паломничестве к чудотворному образу Мадонны — копии картины Лукаса Кранаха с изображением Девы Марии, которую художник создал в 1537 г. для Инсбрукского собора.

Когда мужчине на фотографии было семнадцать, а девушке — одиннадцать, коричневорубашечники² с кирками ворвались в городскую синагогу и подожгли мебель и культовые предметы. Власти оправдывали это действие так же, как и последующую депортацию многих евреев Амберга, рассказами о ритуальных убийствах, совершаемых евреями, об осквернении гостии и о ростовщичестве. Эти три устойчивых элемента средневековой христианской идентичности сохраняли свою актуальность как до, так и после Второго Ватиканского собора 1962–1965 гг.

Девушке с фотографии предстоит преподавать в двух католических средних школах, находящихся под руководством основанной в XIX в. конгрегации Ордена Школьных сестер Божьей Матери (Congregatio Pauperum Sororum Scholasticarum Dominae Nostrae), чтобы противостоять светскому образованию. Мужчина с фотографии построит карьеру учителя и работника школьной администрации, а затем будет посвящен в рыцари Ордена Святого Гроба Господнего Иерусалимского (Ordo Equestris Sancti Sepulchri Hierosolymitani) — этот католический рыцарский орден восходит к Готфриду Бульонскому, одному из предводителей Первого крестового похода. Миссия ордена заключалась в том, чтобы укрепить христианский образ жизни и содействовать религиозным, духовным, благотворительным и социальным делам католической церкви в Святой Земле.

У пары родится двое сыновей; супруги воспитают их в католической традиции. Дети вырастут в медиакультуре, исполненной англо-американских изображений средневекового рыцарства и его культурных потомков (от короля Артура, Айвенго и Робина Гуда до принца Вэлианта и Зорро). Один

2. Военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии. (Прим. пер.).

из их сыновей станет медиевистом и напишет докторскую диссертацию о Джефффри Чосере; он будет исследовать ужасающую устойчивость средневековых убеждений в том, что евреи совершали ритуальные убийства, выступит за критический анализ религии как главного фактора живучести средневековых представлений и культурных практик в современности и продемонстрирует некоторую преемственность между медиевистическими исследованиями, проводившимися в Третьем Рейхе и в послевоенной Германии, и направленностью общественных фестивалей в Германии на религиозное возрождение. Он также напишет очерк о французском сериале 1960-х гг. «Thierry la Fronde» — истории о Робине Гуде «по-французски». С этим значимым для нее сериалом его познакомит жена, француженка, потому что в три года она влюбилась в его главного героя — бельгийского актера Жан-Клода Друо. Сын-медиевист позже переедет из Германии в США. Там он напишет книгу о рецепции Чосера в германоязычном мире, в которой есть глава о его предшественнике — немецком филологе XIX века Эдуарде Фюгеле, также сменившим Лейпцигский университет на Стэнфордский.

Чтобы вы не заскучали от этих тонко завуалированных академических «селфи», я закончу свой рассказ и раскрою, что женщина и мужчина на фотографии — мои родители Хильдегарда (1927–) и Клемент Утц (1921–2005). Сопоставление знаковых точек моей биографии со списком моих научных работ должно навести на мысль, что мое (да и не только мое) попадание в мир изучения и преподавания средневековой культуры связано с очень личными переживаниями и эмоциями. Возможно, в этом более открытом обсуждении эмоциональных и личных мотивов изучения Средних веков и кроется самое важное различие между представлением о Средневековье, господствовавшим приблизительно пятьдесят лет назад, и нашим современным представлением о нем.

Итак, я утверждаю, что хотя мы как медиевисты и расширили наши интересы географически (Средиземноморский регион), культурно (изучение медиевистами ислама), методологически (цифровые методы) и лингвистически (языки

меньшинств), у нас есть доступ к большому количеству изданных средневековых текстов и рукописей и мы в целом накопили больше подробных сведений о разных аспектах средневековой культуры, чем имели когда-либо прежде, все же наш главный прорыв, с моей точки зрения, не количественный, а качественный. Позвольте привести несколько примеров этого процесса.

Весной 2003 г. Жак Ле Гофф, один из всемирно известных медиевистов второй половины XX в., опубликовал работу «В поисках Средневековья» (*À la recherche du Moyen Âge*). Это был не только автобиографический рассказ о том, как он стал медиевистом, но и манифест исторических исследований, практиковавшихся школой «Анналов». Воспоминания Ле Гоффа, основанные на серии интервью, предназначались как для ученых-медиевистов, так и просто для образованной читательской публики, которая все еще существует в современной Франции. Имейте в виду, что это та часть «старой Европы», где интеллектуалы, даже медиевисты, беззастенчиво играют ключевую роль в общественной жизни.

Хотя Ле Гофф не согласился сообщить миру, почему в десять лет он решил, что хочет заниматься историей, он все же припомнил, что его интерес к Средним векам пробудил исторический роман Вальтера Скотта «Айвенго» (1819). В рассказе Скотта, согласно Ле Гоффу, фигурировали определенные черты Средневековья: лес между Шеффилдом и Донкастером, осада замка Торкилстон, турнир в Ашби, зрителями которого были крестьяне, купцы, прекрасные дамы, рыцари, монахи и священники. Правдоподобие этих образов пленило воображение Ле Гоффа и привело его на путь медиевистики.

Ле Гофф оговаривается, что в этом нежном возрасте он еще не решил, что сосредоточит все свои усилия на материальных аспектах средневековой культуры. Однако впоследствии он посвятит множество научных статей и книг этим реалистичным образам Средневековья из «Айвенго». На самом деле, если доверять воспоминаниям Ле Гоффа, его юношеский читательский опыт может пролить свет на решающие моменты в его биографии. Иногда — например, когда

публика на матчах по регби и футболу напоминала ему зрителей в Ашби — он проводил лишь туманные аналогии между окружающей его действительностью и первым романом о Средневековье, который он прочитал³. В других случаях, однако, следы того, что он прочел в детские годы, были очень явными: например, страдания и злоключения Ревекки из Йорка, которая была обвинена в ведовстве, побудили юного Ле Гоффа вступить в Народный фронт (Front populaire), противостоявший растущему антисемитизму и расизму во Франции накануне оккупации⁴.

Анализируя эту книгу Ле Гоффа, можно обнаружить примечательную дихотомию. Так, когда он связывает эмоциональную причину своего решения стать медиевистом с первым знакомством с Вальтером Скоттом, объясняет свой интерес к политике XX в. реакцией на сцену из «Айвенго» или делает акцент на отражении прошлого в кинематографе (включая экранизацию Ричарда Торпа 1952 г.⁵), он тут же низводит такие воспоминания до ностальгических и четко обозначает границы между серьезным научным исследованием средневековой культуры, с одной стороны, и расплывчатыми идеями и образами Средних веков, представленными в массовой культуре или в исторических романах, — с другой. В главе, где он рассказывает, как, будучи подростком, обнаружил в одинаковой степени очаровательную инаковость в литургии Римско-католической церкви XX в. и в вездесущем турнире в Ашби, Ле Гофф предупреждает своих читателей, что «возможно, мои воспоминания — это лишь реконструкция»⁶. Он считает, что не может доверять собственным воспоминаниям, предполагая, вероятно, что правдивость каждого из них может пострадать из-за того, что со временем память их искажает, что, в свою очередь, может привести к появлению линейной телеологии ученого, движущегося в рамках одного *grand récit* от чтения «Айвенго» к преподаванию в Сорбонне.

Разграничение Ле Гоффом личных воспоминаний и научных исследований — общее место для медиевистов, поскольку дискурсивная традиция требует, чтобы эмоциональная

3. Le Goff J. À la recherche du Moyen-Âge. Paris, 2003. P. 18.

4. Ibid. P. 12.

5. Ibid. P. 12, 19.

6. Ibid. P. 20.

привязанность исследователя к изучаемому объекту не оказывала влияния на последний. Ничто не иллюстрирует этот топос лучше, чем вступительная часть «Приглашения в Средневековье» (Einladung ins Mittelalter) Хорста Фурманна 1997 г. В этой части он выражает желание, чтобы его книга, задуманная как «приглашение» в средневековую культуру для неспециалистов, захлопнулась сама собой, если ее решит прочитать какой-нибудь профессиональный историк. Фурманн далее сознается: «Я надеюсь, что ни предмету, ни автору не пойдет в ущерб, если он признается, что он с удовольствием обратился к аудитории неспециалистов, чтобы сделать набросок своего собственного Средневековья»⁷. Показательно, что, используя одновременно и первое, и третье лицо в одном предложении, Фурманн грамматически принимает сторону медиевистов XX в., скептически настроенных по отношению к доакадемическому и неакадемическому интересу к средневековой культуре.

Кэтлин Биддик смогла назвать эпоху, когда была проведена граница между академическим и неакадемическим интересом к средневековой культуре. Она также выявила методы и мотивы, которые к этому привели. В книге 1998 г. «Шок медиевализма» (The Shock of Medievalism) она пишет:

Чтобы отделиться и дистанцироваться от массовых исследований средневековой культуры, новые ученые-медиевисты XIX в., находясь под влиянием позитивизма, объявили свои занятия научными. Они тщательно избегали того, что считали непозитивистскими и ненаучными занятиями, называя это «медиевализмом». <...>

Создатель новой филологии Гастон Парис настаивал на чтении средневековой поэзии как исторического источника, что отделило изучение средневековой литературы от поэтики. Виолле-ле-Дюк создал средневековую историю искусства, вырвав изображения из материальной среды, к которой они принадлежали. [Епископ] Стаббс отказывался учить конституционной истории после XVII в., аргументируя это тем, что она слишком современна. Благодаря всем этим исключениям,

7. Fuhrmann H. Einladung ins Mittelalter. München, 1997. S. 10.

понимаемым как попытка избежать сентиментального медиэвализма, ученые сумели обнаружить последовательные связи внутри дисциплины, изучающей Средневековье. Медиэвализм, сфабрикованный при помощи этих по-новому сконструированных знаний о Средних веках, превратился в «другую», изнаночную сторону медиэвистики, презираемую учеными»⁸.

8. *Biddick K.* The Shock of Medievalism. Durham, 1998. P. 2.

Затем Биддик демонстрирует, что критические исследования этого перелома, появившиеся в последние годы, не подвергают сомнению научные и наукообразные методы и традиционную хронологию, принятую в медиэвистике, несмотря на всю видимую критичность по отношению к «отцам» медиэвистики и раскрытие их националистических и империалистических убеждений. Эти исследования, конечно, позволили нам погрузиться в яркую историю медиэвистики; однако их авторы так и не решились установить со средневековым прошлым ту связь, которая, по словам Биддик, позволяет отказаться от мысли, что «темпоральность неизбежно влечет за собой инаковость»⁹.

9. *Ibid.* P. 10.

Кэтлин Биддик, Аранье Фраденбург и Кэролин Диншоу — вот некоторые из исследователей, отстаивавших атемпоральный подход; книга Диншоу 2012 г. «Когда настанет теперь: средневековые тексты, читатели-любители и необычность времени» (*How Soon is Now: Medieval Texts, Amateurs, and the Queerness of Time*) представляется мне одновременно признаком и катализатором того, что может быть достигнуто в результате творческого слияния так называемых любительского и научного подходов к Средним векам. «Как скоро наступит сейчас?» покажется трудным чтением тем из нас, кто убежден, что к светлому будущему медиэвистики можно прийти, только отрастив панцирь и ограничив академическое взаимодействие узким кругом коллег. Диншоу идеализирует фигуру любителя, которого профессора, получившие университетское образование и работающие на полной ставке, в конце XIX в. назначили козлом отпущения и превратили в идеального «Другого». Говоря о том, как попасть в момент

ее личного идеального «сейчас» — в «неотдаленный и не лишённый очарования момент» «более справедливой и более привязанной [к нам] несовременности»¹⁰ — Диншоу описывает разные ситуации на своем пути от студентки до опытного ученого, в которых она была и чувствовала себя любителем и преодолевала то, что Джесси Суон удачно назвал «качеством, запретным для современного профессора»: любовь¹¹. Диншоу превозносит то, что она называет своей «странной связью» (queer kinship) с «любительской любовью», с самым главным «наслаждением», доступным тем, кого мы называем «дилетантами», с презентистским или каждодневным удовольствием, которое ощущает далекий от истории «журналист», со страстью, которую испытывает простой «энтузиаст», о котором предупреждал Платон, — этот «энтузиаст» одержим поисками ответов на вопросы о прошлом в его собственном настоящем, а также и в многочисленных моментах рецепции средневековой культуры в течение времени *longue durée*, которым является постсредневековье.

Укореняя и сочленяя каждую из глав своей книги с тем, что она называет своим собственным «неясным прогрессом и неравномерным становлением как медиевиста и квинперсоны»¹², Диншоу рассказывает нам о своих многочисленных предшественниках, чья близость с предметом и материалами их изучения сделала их отношения с линейной темпоральностью нетрадиционными. Это и энтузиаст-редактор и эрудит Фредерик Джеймс Фернивалл, заключивший союз с филологами только для того, чтобы убедиться, что широкая англоговорящая аудитория получит удовольствие и многое сможет почерпнуть из средневековых текстов; и поэт и ученый Генри Уодсворт Лонгфелло, очарованный «Золотой легендой»; и собиратель сказок Эндрю Лэнг, написавший комическое письмо сэру Джону Мандевилю; и М. Р. Джеймс, ректор Итона и автор пародии на Мандевиля; и писатель Вашингтон Ирвинг и его вымышленное альтер-эго — Джеффри Крэйон, восхищавшийся «Книгой короля» Якова I (*The Kingis Quair*); и редактор-любитель Хоуп Эмили Аллен, сделавшая доступной для читателей XX в. «Книгу

10. Dinshaw C. *How Soon is Now?: Medieval Texts, Amateurs, and the Queerness of Time*. Durham, 2012. P. 39.

11. См. рецензию на эту книгу: Swan J. Dinshaw, *How Soon is Now? // Medievally Speaking*. 27. 01. 2014. URL: <http://medievallyspeaking.blogspot.com/2014/01/dinshaw-how-soon-is-now.html> (дата обращения: 28.04.2020).

12. Dinshaw C. *Op. cit.* P. 32–33.

Марджери Кемп»; и герой малоизвестного фильма 1944 г. «Кентерберийская история» (*A Canterbury Tale*) Томас Колпепер, патриотичный историк-любитель, мировой судья и преступник, силящийся приобщить безразличную аудиторию солдат и местных женщин к поэзии Чосера.

Книга Диншоу, находящаяся на риторически, структурно и методологически плодотворном стыке личного и профессионального, откровенного и критического, саморефлексии и «серьезной» академичности, показывает, что наука всегда глубоко автобиографична. Когда Лесли Дж. Уоркман, стоящий у истоков англо-американских исследований средневековья, попытался в 1980–1990-х гг. создать поле для изучения рецепции Средних веков после Средних веков, он основывался на своем личном знакомстве с уникальной преемственностью, характерной для англо-американской традиции. Однако он столкнулся с широким спектром неприятия — от равнодушия до откровенного презрения — со стороны медиевистов и издателей, большая часть которых отвергла его как любителя, так как у него не было докторской степени и он потерял свою академическую должность, когда закрылся его колледж. Но объектом презрения коллег из академии мог бы стать даже такой именитый медиевист, как Норман Кантор, потому что, как отмечено в некрологе «*The New York Times*», у него были «изящный стиль письма и <...> энергичная манера изложения, благодаря которым его книги было необычайно легко читать»¹³. Как и Уоркман, своей книгой 1991 г. «Изобретая Средние века» (*Inventing the Middle Ages*) он подтвердил, что все его исследования были автобиографичны и что все научные усилия по воссозданию Средневековья привели лишь к появлению очень большого количества (субъективных) переосмыслений этого периода. В ответ многие рецензенты отнеслись к нему так, будто он очернил исследовательское поле и его отцов-основателей, начиная от Марка Блока, Эрнста Роберта Курциуса, Этьена Жильсона, Чарльза Хомера Хаскинса, Йохана Хейзинги, Эрнста Канторовича, Дэвида Ноулза, К. С. Льюиса, Эрвина Панофски, Перси Эрнста Шрамма, Дж. Р. Стрейера и Дж. Р. Толкина. В 2002 г. Кантор

13. Saxon W., Norman F. Cantor, 74, a Noted Medievalist, Is Dead [Электронный ресурс] // *New York Times*. 21.09.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/09/21/obituaries/norman-f-cantor-74-a-noted-medievalist-is-dead.html> (дата обращения: 11.02.2016).

был вынужден написать еще одну книгу – «Изобретая Нормана Кантора» (*Inventing Norman Cantor*), более подробную и иронично-автобиографичную, в которой он вновь подтвердил, что «основная задача и обязанность историка» заключается в том, чтобы сделать историю «открытой и доступной всей образованной публике»¹⁴, и что «и радости, и беды нашей жизни»¹⁵ формируют наши академические исследования и науку. В письме к Уоркману Кантор суммировал все то, что с его точки зрения было главным препятствием для тех, кто пытается перекинуть мост к широкой читательской аудитории, интересующейся Средневековьем:

Дело в том, что большинство профессиональных медиевистов не собирается активно поддерживать то, что вы делаете, ведь, во-первых, это пахнет активизмом. Во-вторых, чем больше изучается «медиевализм», тем скорее работы профессиональных медиевистов будут оцениваться в этой парадигме. Медиевисты боятся, что их работы будут считаться неполноценными – и этот страх оправдан. <...> Дело в том, что в культуре еще есть источник вдохновения. Моя книга приобщила к ней, преодолев ограду академической респектабельности. Сознательно или нет, вы с женой [Кэтлин Вердуин] делаете нечто более смелое; вы штурмуете бастион медиевистической науки, призывая к общему культурному движению. Удачи вам!¹⁶

От подобных попыток других коллег, занимающихся тем, что мы, с переменным успехом, называем «медиевализмом», книгу Диншоу отличают отказ от линейной темпоральности и рефлексия эмоциональных отношений автора со Средними веками. Именно эти отличия защищают ее от необходимости присягать на верность медиевистике или медиевализму.

В очерке 2010 г. «Американский акцент Чосера» (*Chaucer's American Accent*) Дэйв Мэттьюс описал семантическое и методологическое «болото» вокруг этих терминов и практик:

Существует убеждение, <...> что все постепенно идет к тому, что медиевистика становится медиевализмом; поскольку медиевистика непрерывно обновляется, она отторгает все те

14. *Cantor N. F. Inventing Norman Cantor: Confessions of a Medievalist. Tempe, 2002. P. 223.*

15. *Ibid. P. 228.*

16. Цит. по: *Verduin K. The Founding and the Founder: Medievalism and the Legacy of Leslie J. Workman // Studies in Medievalism. 2009. Vol. 17. P. 17.*

исследования, которые больше не хочет признавать частью себя. Среди работ второй половины XX в. можно рассмотреть «Предисловие к Чосеру» (A Preface to Chaucer), написанное Д. В. Робертсоном в 1962 г., и спросить себя, идет ли это исследование по тому же пути. В современных исследованиях, посвященных Чосеру, работа Робертсона цитируется главным образом для того, чтобы указать на ее ошибки и подчеркнуть глупость экзегетической критики. Другими словами, функция этой работы сейчас заключается в дифференциации: современная наука противопоставляет себя ей путем сравнения, точно так же, как ранее история литературы и политическая история открестились от [Томаса] Уортона и [епископа] Стаббса. Такие работы были изгнаны из медиевистики и стали медиевализмом. <...> И этот процесс продолжается, поэтому исследования медиевализма рискуют сыграть роль всего лишь просеивания через *disjecta membra* медиевистики¹⁷.

17. Matthews D. Chaucer's American Accent // American Literary History. 2010. Vol. 22. №4. P. 759–760.

Напоминание Мэттьюса об изменчивой судьбе парадигмы патристической экзегезы Д. В. Робертсона, которая была одной из преобладающих практик, составляющих понятие о Средних веках в 1950–1970-е гг., несет на себе очевидный отпечаток времени, движений и процессов — трех областей, которые историки понятий определили как один из центральных принципов современной мысли. В книге 2004 г. «Прошедшее будущее: о семантике исторического времени» (Futures Past: On the Semantics of Historical Time) историк понятий Райнхарт Козеллек отмечает, например, что между 1770 и 1830 гг. «Немецкий словарь» Якоба Гримма регистрирует более ста неологизмов (например, «событие», «формирование», «продолжительность», «развитие», «дух времени» (Zeitgeist)), которые определяют *Zeit* / время в положительной исторической манере. Подобным образом Оксфордский словарь английского языка фиксирует первое использование слова «движение» (movement) в 1789 г.; «формирование» (formation) начинает активно использоваться после 1830 г.; «продолжительность» (duration) появляется в начале XVIII в.; «развитие» (development) неизвестно до 1750 г.;

«эпоха» (*epoch*) записана как изобретение XVII в. Козеллек также связывает быстрое образование «-измов» с тем, как «время» само по себе становится динамичной и исторической силой: Иммануил Кант создает слово «республиканизм», которое Фридрих Шлегель заменил «демократизмом»; в скором времени «коммунизм», «социализм», «либерализм» и «феминизм» нахлынут с континента на Британские острова, где им будут противостоять английские «-измы» в борьбе с новой одержимостью темпоральностью, движением и переменами — это в первую очередь «консерватизм» и, как вы уже догадались, «медиевализм».

Таким образом, английское слово «медиевализм» во многом отражает консервативную реакцию островитян на континентальную тенденцию к осуждению и отказу от всего «домодерного». Если Франция, Италия и многие германоязычные регионы определяли средневековую культуру как удобное прошлое, на противопоставлении с которым можно создать отличное от него будущее, то Британия и США (за исключением короткого периода, последовавшего за Американской революцией) мыслили свои страны и сообщества связанными со средневековым прошлым через уникальную преемственность. Чтобы подчеркнуть отличие от кровавой Французской революции, английские политики, историки и художники хранили память о единственном великом революционном событии раннего Нового времени в британской истории (1688) как о «Славном», «Разумном» и «Бескровном». Они прославляли любые политические и правовые традиции, уходившие корнями в Средние века, как признаки естественно и мирно развивающегося государства (*commonwealth*). Основываясь на подобной идеологической конструкции, Уоркман назвал медиевализм XIX — начала XX в. преимущественно английским феноменом¹⁸.

Решение Кэролин Диншоу отказаться от современной одержимости темпоральностью дает ей эпистемологическое преимущество над поколениями медиевистов, которые стремились историзировать каждый аспект своих исследований и подавляли в них субъективные элементы. На самом деле

18. Я обобщил исследования Козеллека и изучил то, как он использует термин «медиевализм», см.: *Utz R. Medievalitas Fugit: Medievalism and Temporality // Studies in Medievalism. 2009. Vol. 18. P. 31–43.*

позиция Диншоу гораздо ближе к позиции Творца у Боэция, ведь Он существует в «вечном Сейчас». Она изучает средневековые и постсредневековые позиции субъектов (subject positions) и текстов, находясь в одном времени как со средневековыми «оригиналами», так и с различными моментами рецепции этих «оригиналов». История вторгается в ее нарратив через различные эпохи, с помощью которых Диншоу переживает текст или предмет, но ее книга очень близка к вечному божественному настоящему и не просто устраняет то, что Поль Зюмтор критиковал в 1980 г. как «заблуждение, которое может заставить говорить о прошлом иначе, чем на основании настоящего»¹⁹. Она делает гораздо большее.

В то время как многие медиевисты согласятся, что «Как скоро наступит сейчас?» предлагает новаторские пути повторного прочтения средневековой и постсредневековой культур, лишь немногие из них смогут всесторонне интеллектуально, эпистемологически и лингвистически-критически переосмыслить темпоральность, как это удалось Диншоу. Многие медиевисты не захотят признать ее пост-исторический подход, потому что они считают, что историзм все еще продолжает быть основным эффективным оружием в арсенале против тех, кто мог бы призвать Средние века на службу националистическим, колониальным или расистским целям. «Критический портрет России» (Portrait critique de la Russie) Дины Хапаевой, написанный в 2012 г., например, замечательно демонстрирует, как путинская Россия в последние годы встала на путь нового феодализма, клановой экономики, готической морали и даже готической эстетики. Другим медиевистам, возможно, будет трудно перестать вести себя как альфа-самцы, в рамках маскулинного немецкого (старого и нового) историзма. Элизабет Скала определила это как неотъемлемую «часть системы вассальной верности, которая позволяет сохранять целостность поля медиевистики сегодня», в рамках которой любое стремление к феминизации и, следовательно, дестабилизации видится как угроза существующим структурам власти в исследовательском поле²⁰. Кроме того, иные медиевисты вполне могут опасаться, что

19. Zumthor P. Speaking of the Middle Ages / trans. by S. White. Lincoln, 1986. P. 32–33.

20. Scala E. The Gender of Historicism // The Post-Historical Middle Ages / ed. by E. Scala, S. Federico. New York, 2009. P. 204.

постепенное включение таких банальных вопросов, как любовь, энтузиазм и страсть в качестве приемлемых элементов научной работы может ослабить и без того неустойчивое положение гуманитарных дисциплин (и некоторых социальных наук) в современном университете. Они, согласно строчкам из песни Тины Тернер «При чем здесь любовь?» (What's love got to do with it?), хотели бы «взять новый курс», но не могут перестать «думать о собственной защите», «боясь чувствовать так». Политически обусловленные нападки на «Австралийский исследовательский совет по передовому опыту в области истории эмоций» (Australian Research Council of Excellence for the History of Emotions), объявляющие его расточительным, поддержали бы такие опасения. Проект, который исследует формирование, выражение и проявление эмоций в Европе 1100–1800 гг. и их рецепцию в современной Австралии, явно задел чувства тех, кто в своем понимании наследия Средних веков и раннего Нового времени предпочел бы более маскулинное понимание прошлого, основанное на стремлении к более маскулинному настоящему²¹.

21. *Martyr P.* Taken for Granted [Электронный ресурс] // *Quadrant*. 01.10.2012. URL: <https://quadrant.org.au/magazine/2012/10/taken-for-granted>; *Maddern P.* The Last Word: What Price Humanities Research? [Электронный ресурс] // *University of Western Australia News*. 12.11.2012. URL: <http://www.news.uwa.edu.au/201211125196/opinion/last-word-what-price-humanities-research> (дата обращения к обеим URL: 28.04.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Biddick K.* The Shock of Medievalism. Durham: Duke University Press, 1998.
2. *Cantor N. F.* Inventing Norman Cantor: Confessions of a Medievalist. Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2002.
3. *Dinshaw C.* How Soon is Now? Medieval Texts, Amateurs, and the Queerness of Time. Durham: Duke University Press, 2012.
4. *Fuhrmann H.* Einladung ins Mittelalter. München: C. H. Beck, 1997.
5. *Le Goff J.* À la recherche du Moyen-Âge. Paris: Audibert, 2003.
6. *Maddern P.* The Last Word: What Price Humanities Research? [Электронный ресурс] // *University of Western Australia News*. 12.11.2012. URL: <http://www.news.uwa.edu.au/201211125196/opinion/last-word-what-price-humanities-research> (дата обращения: 28.04.2020).
7. *Martyr P.* Taken for Granted [Электронный ресурс] // *Quadrant*. 01.10.2012. URL: <https://quadrant.org.au/magazine/2012/10/taken-for-granted> (дата обращения: 28.04.2020).

8. *Matthews D.* Chaucer's American Accent // American Literary History. 2010. Vol. 22. №4. P. 758–772.
9. *Saxon W., Norman F.* Cantor, 74, a Noted Medievalist [Электронный ресурс] // New York Times. 21.09.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/09/21/obituaries/norman-f-cantor-74-a-noted-medievalist-is-dead.html> (дата обращения: 28.04.2020).
10. *Scala E.* The Gender of Historicism // The Post-Historical Middle Ages / ed. by E. Scala, S. Federico. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 191–214.
11. *Swan J.* Dinshaw, How Soon is Now? [Электронный ресурс] // Medievally Speaking. 27.01.2014. URL: <http://medievallyspeaking.blogspot.com/2014/01/dinshaw-how-soon-is-now.html> (дата обращения: 28.04.2020).
12. *Utz R.* Medievalitas Fugit: Medievalism and Temporality // Studies in Medievalism. 2009. Vol. 18. P. 31–43.
13. *Verduin K.* The Founding and the Founder: Medievalism and the Legacy of Leslie J. Workman // Studies in Medievalism. 2009. Vol. 17. P. 1–27.
14. *Zumthor P.* Speaking of the Middle Ages / trans. by S. White. Lincoln: University of Nebraska, 1986.

